

допускаетъ у себя остановки для шествующихъ по нему, но (требуетъ) у тѣхъ, кто держится его намѣреніемъ душевнымъ, вѣчнодвижнаго и настойчиваго теченія къ почести вышняго званія ¹⁾, ибо „остановка въ добродѣтели является началомъ порока“ ²⁾, потому что умъ, занявшись любострастно какимъ-либо изъ вещественныхъ (предметовъ), лежащихъ по ту и другую сторону пути дѣлаетъ (въ такомъ случаѣ) даже и всецѣло обрѣзанный нравъ и помыслъ благочестиваго поведенія необрѣзаннымъ и гнуснымъ. Потому онъ вскорѣ и усматриваетъ, какъ ангела, обличающій его помыслъ (*λόγον*) ³⁾ совѣсти (*κατὰ συνείδησιν*), угрожающій ему смертію и свидѣтельствующій, что причиной угрозы является остановка въ добродѣтели, 305
доставляющая помыслу необрѣзаніе. Его умили-
вляетъ сожигательница ума—премудрость, обрѣзая, подобно Сепфорѣ, камнемъ, т. е. словомъ вѣры, появившееся у сына, т. е. помысла, вещественное мечтаніе ⁴⁾, и иссушая всякую мысль о чувственной жизни. Ибо говоритъ (Писаніе): *Ста кровь обрѣзанія сына* ⁵⁾, прекратилась страстная жизнь, мечтаніе и движеніе,

¹⁾ Филип. 314.

²⁾ Св. Григорій Нисскій. О жизни Моисея. PG. 44, 300D—301A; р. п. I, 226.—Ср. у Оеофана *Керамевса* (XII в.), ном. 22, PG. 132, 464A.

³⁾ Ср. Qu. ad Thal. LXV, 741C, гдѣ *λόγος* отождествляется съ *λογισμός*. Здѣсь *λόγος* стоитъ въ смыслѣ этого послѣдняго понятія. У пр. Максима она нерѣдко замѣняется одно другимъ: ви., напр., обычнаго *λόγος* промысла и суда (*Ambigua*, PG. 91, 1297A. 1385A. 1400A; Qu. ad Thal. XXXV, 380A; I. III, 501C и др.) встрѣчаемъ въ Qu. ad Thal. V, 280A: *λογισμοί* о промыслѣ и судѣ; ви. *λόγος* и *τρόπος* (нравъ) добродѣтелей (Qu. ad Thal. X, 288B)—*λογισμός* (III, 273D; XVII, 304C).

⁴⁾ Св. Григорій II., О жизни Моисея, PG. 44, 337AB; р. п. I, 270, подъ необрѣзаніемъ сына разумѣетъ ошибочныя мнѣнія эллинской философіи (которая, въ общемъ, за исключеніемъ этихъ мнѣній, является полезной для благочестія).

⁵⁾ Исх. 425. Слова Сепфоры у пр. Максима приводятся, какъ и въ код. 72. 135, Alex., безъ прибавленія *μου* (моего).

послѣ того какъ оскверненный помыслъ былъ очищенъ по вѣрѣ премудростію. По (совершеніи) этого очищенія отстуетъ, подобно нѣкому ангелу, помыслъ (λόγος) совѣсти (διὰ συνειδήσεως), поражающій согрѣшающій умъ и обличающій всякое его помышленіе, движущееся не по надлежащему. Вѣдь поистинѣ путь добродѣтелей наполненъ многими св. ангелами, т. е. производящими всякій видъ добродѣтели помыслами (λόγων) и нравами, а также и невидимо ¹⁾ содѣйствующими намъ къ добру ангелами, возбуждающими въ насъ подобные помыслы ²⁾.

Итакъ, прекрасно и величественно поступаетъ слово Св. Писанія, предлагая всегда вмѣсто повѣствуемаго умопостигаемое тѣмъ, кто стяжалъ здравыя очи души, и при томъ такъ, что не содержитъ никакого обвиненія ни на Бога, ни на св. Его ангеловъ. Ибо Моисей, будучи посылаемъ Богомъ, не имѣлъ, по умопостигаемому смыслу Писанія, необрѣзаннаго сына, или помысла; въ противномъ бы случаѣ (Богъ) сперва приказалъ совершить обрѣзаніе, (а потомъ бы) послалъ. Равнымъ образомъ, и божественный ангелъ не былъ жестокимъ, объявляя Моисею объ угрожающей ему смерти за ошибочно допущенную имъ остановку на пути добродѣтели, каковую смерть обусловило собственно (самое) ослабленіе въ совершеніи добродѣтели. Конечно, и вы, присмотрѣвшись ближе къ повѣствованію, ясно замѣтите, что не въ началѣ и не въ срединѣ и не въ концѣ пути, а на привалѣ встрѣтилъ (Моисея) ангелъ, угрожая смертью за тайно вкравшуюся въ мысль страсть, такъ что если бы онъ не остановился въ совершеніи пути и не прервалъ

¹⁾ Читаемъ ἀοράτως вм. ἀοράτων.

²⁾ Cap. de charitate II, 32; III, 32: Quaest. ad Thal. XXV, 336B—C; Ep. 1, PG. 91, 380C.

путешествія, то (и) не подвергся бы обличенію, и не принялъ бы чрезъ ангела грозное прещеніе за необрѣзаніе сына. Будемъ же умолять Бога, если только, дѣйствительно, мы находимся на пути заповѣдей, при всякомъ нашемъ преступленіи, непрестанно посылать, какъ нѣкоего ангела, помысль совѣсти, возвѣщающій смерть за это (преступленіе) ¹⁾, чтобы мы, овладѣвши чувствами, научились при помощи врожденной разсудительности отсѣкать подобно необрѣзанію подкрадывающуюся къ намъ тайно на жизненномъ пути нечистоту страстей.

ВОПРОСЪ XVIII.

Если творцы закона оправдятся, по Апостолу ²⁾, то какъ онъ всеже говоритъ: иже ³⁾ закономъ оправдается, отъ благодати отпадетъ ⁴⁾?

О Т В Ѣ Т Ъ .

Не вообще исполнители закона будутъ оправданы, а (исполнители) закона духовнаго и понимаемаго духовно, и при томъ, если будутъ исполнять духовный законъ по внутреннему челювѣку ⁵⁾ въ духѣ; (такіе) будутъ оправданы, не испадая отъ благодати, благодаря сошествію въ глубину души Слова вмѣстѣ съ (ея) очищеніемъ. Служащіе же тѣлесно видимой сторонѣ закона, конечно, отпадаютъ отъ божественной благодати, не вѣдая очищающаго умъ отъ всякой скверны совершенства благодатнаго духовнаго закона и конца (его)—Христа.

¹⁾ Принятый порядокъ словъ подтверждается вариантами код. Гг.

²⁾ Рим. 213.

³⁾ У пр. Максима *ἑσθι* вм. *οἰτινες*.

⁴⁾ Гал. 51.

⁵⁾ Рим. 722.

ВОПРОСЪ XIX.

Что значитъ: Елицы беззаконно согрѣшиша, беззаконно и погибнуть, и елицы въ законъ согрѣшиша закономъ судъ примутъ¹⁾? И какъ же онъ говоритъ опять: Внегда судитъ Богъ тайная челоуѣкомъ по благовѣстію моему, Иисусомъ Христомъ²⁾? Если отъ закона судимы будутъ, то какъ же чрезъ Иисуса Христа?

[39]

О Т В Ѣ Т Ъ.

Божіе Слово Иисусъ Христосъ, какъ Создатель всего, является также и Творцомъ естественнаго (*τοῦ κατὰ φύσιν*) закона. А какъ Промыслитель и Законодатель, Онъ, разумѣется, является Подателемъ и писаннаго, и духовнаго, т. е. благодатнаго, закона: *кончина бо закона Христосъ³⁾*, очевидно, закона писаннаго, при духовномъ его пониманіи. Если же ко Христу, какъ Создателю, Промыслителю и Законоположнику и Умилостивителю (*ἰλαστήριον*), возводится и естественный, и писанный, и благодатный законъ, то истину говоритъ божественный Апостоль, утверждая, что Богъ будетъ судить сокровенныя тайны людей, по благовѣстію его, т. е. какъ онъ благовѣстилъ, чрезъ Иисуса Христа, Единородное собственное по сущности Слово, обнимая Собою всѣхъ, и—однихъ обличая, другихъ подобающимъ образомъ принимая, и опредѣляя достойное тѣмъ, кто живетъ подъ естествомъ, закономъ и благодатію, чрезъ присущее Ему по сущности Единородное неизреченное Слово. Ибо Божіе Слово есть Творецъ всякаго естества и (всякаго) закона и законоположенія и чина, и Судія всѣхъ, кто

¹⁾ Рим. 212.

²⁾ Рим. 216 (8^a ADEKLP).

³⁾ Рим. 101.

подъ естествомъ, закономъ, законоположеніемъ и чиномъ, ибо безъ устанавливающаго Слова не бываетъ закона ¹⁾. Итакъ, судится ли кто по закону, какъ во Христѣ судимъ будетъ, или внѣ закона, опять все таки въ Немъ судимъ будетъ, ибо Слово, какъ Создатель, есть начало и середина и конецъ всего сущаго и мыслимаго и глаголемаго.

ВОПРОСЪ XX.

Что означаетъ неразумно, повидимому, изсушенная смоковница, упоминаемая въ Евангеліи ²⁾? Что за нецѣлительность голода, не во время ищущаго плода? И къ чему проклятіе безчувственного предмета?

О Т В Ѣ Т Ъ.

Все премудро устрояющій ко спасенію людей Богъ Слово, Который сперва наставлялъ естество (человѣческое) чрезъ законъ, заключавшій преимущественно тѣлесное служеніе—, ибо не могло это (естество) принять истину безъ образныхъ покрововъ по причинѣ внѣдрившагося въ него невѣдѣнія и отчужденія отъ Первообраза вещей божественныхъ,—впослѣдствіи (же) и Самъ явно сталъ человѣкомъ, пришедши съ воспріятіемъ плоти, имѣющей мысленную и разумную душу, и привелъ естество, какъ Слово, къ невестественному умозрительному (*γροστικῆν*) служенію въ духѣ,—(сей Богъ, конечно), не желалъ, чтобы въ то время, какъ Истина открылась въ жизни, имѣла силу тѣнь (истины) ³⁾, образомъ которой была смоковница. Потому-то и говоритъ (Писаніе): „Возвращаясь изъ Вифаніи въ Іерусалимъ“ ⁴⁾, т. е. послѣ образнаго и

¹⁾ Ср. Рим. 1011.

²⁾ Мо. 2119. Мрк. 1130.

³⁾ Т. е. законъ.

⁴⁾ Ср. Марк. 1112.—Отдѣль 309А—312А приводится въ катехахъ

сѣновнаго пришествія своего, сокровеннаго въ законѣ¹⁾, снова приходя къ естеству человеческому во плоти. Ибо такъ нужно понимать слова: „Возвращаясь, узрѣлъ смоковницу при пути, листья только имѣющую“²⁾, т. е. заключенное въ сѣняхъ и образахъ тѣлесное служеніе закона, лежащее, какъ на пути, на неустойчивомъ и мимолетномъ преданіи, и состоящее изъ однихъ переходящихъ образовъ и законоположеній. Увидѣвши это служеніе (*ἤν*), обильно и пышно подобно смоковницѣ украшенное, какъ листьями, внѣшними покровами тѣлесныхъ преимуществъ закона, и не найдя „плода“, разумѣется, правды, Онъ проклялъ его, какъ не питающее Слово, даже болѣе того, приказалъ, чтобы не скрывалась болѣе истина подъ преобладаніемъ образовъ закона,—что и случилось, какъ показалъ ходъ вещей, когда совершенно изсохло законное велелѣпіе, имѣвшее свое бытіе въ однихъ только образахъ, и погасло превозношеніе имъ іудеевъ,—ибо было неблагоразумно и неблаговременно, чтобы послѣ того, какъ явно обнаружилась истина плодовъ правды, (служеніе закону) обманчиво привлекало и возбуждало листьями влеченіе тѣхъ, кто подобно пути проходитъ настоящую жизнь, чтобы они оставили сѣдобное благоплодіе Слова. Посему и говоритъ (Писаніе): *не бѣ время смоквамъ*³⁾, т. е. время, въ которое властвовалъ надъ естествомъ человеческимъ законъ, не было (временемъ) плодовъ правды, но изображало собою плоды правды и какъ бы возвѣ-

(ошибочно) съ именемъ Аммонія (Catena Patrum Graec. triginta in S. Matthaeum, collectore Niceta episc. Serrarum, ed. Corderii, Tolosae 1647, p. 657) и отсюда между фрагментами Аммонія у Мана: PG. 85, 1381CD.

¹⁾ Ср. Сар. theol. II, 28. 29.

²⁾ Ср. Марк. 11₁₃.

³⁾ Марк. 11₁₃ (DO, какъ у пр. Максима; не читаютъ *ὁ* предъ *καὶ* *ὅς* AC^cDNXΓΠ).

щало будущую спасительную для всѣхъ божественную и неизреченную благодать, не достигши которой, погибъ въ невѣрїи ветхїй народъ: *Израиль бо* ¹⁾, говоритъ божественный Апостолъ, *гоня законъ правды* ²⁾, т. е. (законъ, данный) въ сѣни и образахъ, *въ законъ правды не постиже* ³⁾, т. е. въ совершенный духовный (законъ) во Христѣ.

Или еще. Такъ какъ скопище священниковъ, книжниковъ, законниковъ и фарисеевъ, заболѣвши тщеславіемъ, думало, будто путемъ обнаруженія якобы благочестиво усвоенныхъ ими нравовъ совершаетъ правду, (и отсюда) питало вытекающее изъ самомнѣнія превозношеніе, то Писаніе (*λόγος*) называетъ безплодной смоковницей, красующеюся одними только листьями, (также и) самомнѣніе вышеназванныхъ. Его изсушаетъ (Богъ) ⁴⁾, желающій спасенія всѣхъ людей и алчущій ихъ обоженія, проклиная (его), какъ безплодное, чтобы они вмѣсто того, чтобы считать себя праведными, предпочли быть (таковыми), сняли съ себя лицемѣрный хитонъ добронравной показности, и чистосердечно, какъ того хочетъ Божественное Слово, проходили добродѣтельное житіе ⁵⁾, (и так. обр.) благочестно проводили жизнь, скорѣе являя предъ Богомъ расположеніе души, чѣмъ предъ людьми внѣшнюю благопристойность въ нравахъ *.

Если же и среди насъ, христіанъ, нѣкоторые та- [312]
ковы, что притворно показываютъ благопристойность въ нравахъ безъ дѣлъ правды (*τῆς ἐπ' ἑαυτοῦ δικαιοσύνης*),

¹⁾ Вм. γὰρ общепринято δεΐ.

²⁾ Согласно съ Ὡ^cFKLP (нѣтъ *δικαιοσύνης* въ Ὡ^cABCDEG).

³⁾ Рим. 931. Это мѣсто вошло въ катены: *Crater* IV, 36415.

⁴⁾ Θεός бережъ изъ *Sap. quing. I, 74*. Отсюда и до сноски * идетъ *Sap. quing. I, 74*; Умозр. и дѣят. гл., 121; Добротолубіе III², 260.— Ср. у *Ис.-Кесарія*, *Dial. III, 183, PG. 38, 1160*.

⁵⁾ Слово βίον добавляемъ изъ *Sap. quing. I, 74*.

то будемъ ожидать, что Слово, какъ человѣколюбецъ, алча нашего спасенія, изсушитъ сѣмя зла въ душѣ—самомнѣніе, такъ чтобы оно не приносило болѣе плода тлѣнія—человѣкоугодничества. Вотъ вамъ, по моему бѣдному разумѣнію, смыслъ Писанія. Изъ даннаго изъясненія видно, въ какомъ смыслѣ прекрасно алчетъ Господь и (какъ) благоразумно проклинаетъ смоковницу и благовременно изсушаетъ ее, какъ препятствующую истинѣ, будемъ ли разумѣть (подъ смоковницей служеніе) по ветхому преданію тѣлесныхъ образовъ закона, или фарисейское и наше самомнѣніе по поводу (своихъ) нравовъ.

ВОПРОСЪ XXI.

Что значитъ: Совекъ начала и власти ¹⁾ и такъ далѣе? Какимъ же образомъ Онъ, рожденный безъ грѣха, былъ всецѣло облеченъ ими?

О т в ѣ т ь ²⁾.

Богоначальное Слово, во всемъ подобное намъ, кромѣ только грѣха, непреложно облечшееся въ наше естество, (и) ставшее совершеннымъ человѣкомъ, имѣло (въ Себѣ) перваго Адама проявляющимся какъ по образу [1] (первоначальнаго) происхожденія его (*κατὰ γένεσιν*), такъ и рожденія (*γεννησιν*) ³⁾. Извѣстно, что (*οἶον*) человѣкъ, получивши бытіе отъ Бога и происшедши

¹⁾ Кол. 215.

²⁾ Въ код. Ег. на поляхъ замѣтка: „Читай 42-й вопросъ (*λόγον*) и уразумѣешь это мѣсто яснѣе“.

³⁾ *Γένεσις*—первоначальное созданіе человѣка по образу Божию и по подобію. По силѣ этого созданія человѣкъ былъ первоначально свободенъ отъ грѣха и тлѣнія; плоть его была безстрастной, чуждой физическихъ потребностей, болѣзней и всякой борьбы стихій (*Ambigua*, PG. 91, 1353B. 1156D); самое размноженіе человѣка предполагалось особымъ духовнымъ образомъ, а не путемъ брака (*ibid.* 1305C. 1309A). Грѣхонпаденіемъ введено было *γεννησις*, рожденіе по подобію животныхъ (*ibid.* 1320D. 1309A). Съ рожденіемъ

(отъ Него), по самому происхожденію ¹⁾ (своего) бытія былъ свободенъ отъ тлѣнія и грѣха, ибо не были созданы вмѣстѣ съ нимъ тлѣніе и грѣхъ. Когда же онъ, преступивши заповѣдь, согрѣшилъ, то осужденъ былъ на рожденіе ²⁾, сопряженное (*συνιστάμενην*) со страстью и грѣхомъ, такъ что грѣхъ въ (явившейся) изъ-за него страстности (*πάθησις*) ³⁾ имѣлъ бытіе (*γένεσιν*) уже какъ бы по закону природы. Въ силу этой страстности (*καθ' ὅν*) никто теперъ не безгрѣшенъ.

связывался уже грѣхъ, и именно въ грѣховной сласти удонольствія, предшествующей рожденію (Qu. ad Thal. LXI, 632D—633A). Вмѣстѣ съ осужденіемъ человѣка на скотское рожденіе совершилось и преобразование состава его плотскаго естества по образу грубой и дебелии плоти животныхъ, въ силу чего тѣло его стало подвержено разнымъ тѣлеснымъ потребностямъ, разнымъ лишениамъ, немощамъ, словомъ—„безукоризненнымъ, или естественнымъ страстямъ“. Все это было для человѣка медленнымъ „тлѣніемъ“ естества, которое въ концѣ концовъ завершалось смертію. Ясно, какъ велико различіе между *γένεσις* и *γέννησις*. Первое обнимаетъ собою все естественное въ человѣкѣ, все хорошее и прекрасное, что было дѣломъ рукъ Божіихъ, второе же является синонимомъ первороднаго грѣха во всѣхъ его дурныхъ послѣдствіяхъ. То и другое проявилось въ первомъ Адамѣ. То же обнаружилось и въ Новомъ Адамѣ—Христѣ, но только такъ, что Господь имѣлъ безгрѣшность, свойственную первому происхожденію Адама, безъ его, однако, нетлѣнія; и имѣлъ тлѣніе, какому подпалъ Адамъ съ осужденіемъ на „рожденіе“, безъ его, однако, грѣха, ибо грѣховная сласть не предшествовала Его безмужному рожденію. Различіе между *γένεσις* и *γέννησις* выяснено у преп. Максима въ *Ambigua*, PG. 91, 1316D—1317B.

¹⁾ Читаемъ *γένεσιν* вм. *γέννησιν*.

²⁾ Св. Григорій Нисскій, О дѣствѣ, 12. PG. 46, 373D—376A; р. п. VII, 347; Объ устройствѣ человѣка, 18. PG. 44, 192A—B; р. п. I, 149; О мертвыхъ, PG. 46, 521D—524A; р. п. VII, 515—516.

³⁾ *Παθήσις*, страстность, подверженность страданіямъ, „естественнымъ страстямъ“ (313A; Ad Thomam, PG. 91, 1044A); голоду, жаждѣ, усталости и другимъ проявленіямъ „тлѣнія“ въ человѣкѣ съ рожденія его до смерти. Эта страстность введена была по причивѣ грѣха (LXI, 628B) въ осужденіе закона грѣха—удовольствія (ibid.; ср. выше стр. 48, прим. 9), какъ наказаніе страдающему за удовольствіе, какъ „грѣхъ“ естества, явившійся необходимымъ слѣдствіемъ грѣха произволенія (XII, 405C); однако для грѣховной эгоистической воли (*γνώμη*) человѣка (см. стр. 58, прим. 1) она

313 ибо (всякій) по природѣ подлежить закону рожденія ¹⁾, введеннаго по причинѣ грѣха послѣ (первоначальнаго) происхожденія.

Итакъ, чрезъ преступленіе (Адама) вошелъ въ естество человѣческое грѣхъ ²⁾, а чрезъ грѣхъ—страстность (*παθητόν*) рожденія. А такъ какъ вмѣстѣ съ этой страстностью рожденія постоянно процвѣтало чрезъ грѣхъ и первое преступленіе, то для естества не было надежды на освобожденіе: оно неразрывно было связано по волѣ (*κατὰ γνώμην*) лукавыми узами.

служила, гл. обр., почвой для развитія грѣха. Человѣкъ всячески старался использовать страстность плоти такъ, чтобы удовлетвореніемъ ея потребностей получить какъ можно больше удовольствій и по возможности избѣгать страданій. Это любострастное расположеніе воли въ отношеніи къ страстности плоти и составляло державу грѣха (Ad Thomam, PG. 91, 1044A). Отсюда естественныя безукоризненныя страсти (*παθητόν*) всегда составляли основу для неестественныхъ грѣховныхъ страстей. И для грѣховной воли человѣка такого рода положеніе вещей было въ своемъ родѣ естественною необходимостью: страстность связывала человѣка по волѣ неразрѣшными узами, составляя въ немъ какъ бы новый „естественный законъ“ (Qu. ad Thal. LXII, 656C), который лежалъ на немъ со всею тяжестью необходимости. По ученію преп. Максима, эту страстность воспринялъ и Господь, но безъ грѣха рожденія и при томъ такъ, что всѣ проявленія тлѣнія управлялись въ Немъ волей, были добровольными и не сказывались на Немъ съ самой необходимости. Это обычная святоотеческая точка зрѣнія—о вольности „страстей“ Христовыхъ (св. Аѳанасій Вел., Противъ арианъ III, 55. 57, PG. 26 437D. 444B; р. п. II², 437. 440—441; Псевдо-Аѳанасій, Противъ Аполлинарія I, 6. 16, PG. 26, 1104B. 1124A; р. п. III², 322. 334, св. Василій Вел., О благодареніи, § 5, PG. 31, 228D—229A; р. п. IV⁴, 51; св. Григорій Нисскій, О блаж., сл. IV, PG. 44, 1237A; р. п. II, 406; св. Иоаннъ Злат., На слова: „Отче, аще возможно есть“, § 4, PG. 51, 37; р. п. III², 23; св. Кириллъ алекс., Quod unus sit Christus, PG. 75, 1332A; De fide ad Theodos. 21, PG. 76, 1164AB; In Joan. lib. XII, PG. 74. 665B—C; р. п. XV, 216; in Matth. fragm., PG. 72, 392A), раскрывавшаяся также (противъ афоартодокетскихъ перетолкованій) и православными полемистами въ VI в. (Леонтій визант., Contra Nestor. et Eutych. lib. II, PG. 86, 1, col. 1332A. C).

¹⁾ Всѣ подлежать закону рожденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и страстности и въ ней грѣху.

²⁾ Т. е., стремленіе къ удовольствію.

Ибо чѣмъ болѣе спѣшило естество къ своему сохраненію чрезъ рожденіе, тѣмъ болѣе оно связывало себя закономъ грѣха, имѣя дѣйственнымъ въ страстности преступленіе. Содержа же въ самой страстности по естественной принудительности умноженіе грѣха, (естество человѣческое), въ силу (гнѣздящагося) въ страстности первороднаго грѣха (*κατὰ τὴν ἐν τῷ πατρὶτι γαίτην ἀμαρτίαν*), подвергалось воздѣйствіямъ всѣхъ небесныхъ силъ, началъ и властей, (проявлявшимся) чрезъ неестественныя страсти (и) скрывавшимся въ естественныхъ страстяхъ, при помощи коихъ всякая лукавая сила дѣйствовала на страстность естества, побуждая волю (*γνώμην*) чрезъ естественныя страсти къ (*εἰς*)¹⁾ тлѣнію неестественныхъ страстей²⁾.

Итакъ, Единородный Сынъ Божій и Слово, ставши по человѣколюбію совершеннымъ человѣкомъ, чтобы избавить естество человѣческое изъ этой лукавой безысходности, воспринялъ отъ перваго состава Адама по происхожденію и имѣлъ безгрѣшность безъ нетлѣнія; отъ рожденія же введеннаго впослѣдствіи грѣхомъ въ естество, воспринялъ одну только страстность, безъ грѣха³⁾. А такъ какъ на страстность Адамову лукавыя силы, какъ я сказалъ, оказывали по причинѣ грѣха (разныя) воздѣйствія (*τὰς ἐνεργείας*) невидимо сокровенныя въ принудительномъ (*περιστατικῶν*) законѣ естества⁴⁾, то онѣ, разумѣется, созерцающая по причинѣ плоти въ Спасителѣ Богѣ естественную страстность Адама и думая, что и Господь, какъ простой человѣкъ, съ принудительной необходимостью

¹⁾ Гр. читаетъ (неправильно) *καί*.

²⁾ Св. Григорій Нисск., О блаженствахъ, сл. IV, PG. 44, 1237A; р. в. II, 406.

³⁾ Ср. у преп. Максима Ambigua, PG. 91, 1316D—1317A.

⁴⁾ Т. е., въ страстности, въ совокупности безукоризненныхъ страстей.

подчиненъ закону естества, а не движется самоопредѣленіемъ (*γνώμη*)¹⁾ воли, сдѣлали на Него нападеніе, надѣясь убѣдить и Его отъ естественной страсти перейти мыслию (*φαντάζεσθαι*) къ неестественной страсти и сдѣлать что-либо имъ угодное²⁾. Онъ же (*ὁς*) при

1) Ср. Ad Thomam, PG. 91, 1053C. Здѣсь преп. Максимъ употребляетъ терминъ *γνώμη*, которому вообще приданая предсудительное значеніе (см. стр. 58, прим. 1). Въ данномъ случаѣ словомъ *γνώμη* пр. Максимъ отмѣчаетъ моментъ добровольности всѣхъ „страстей“ во Христѣ, какъ Богѣ, въ противоположность ихъ необходимости у насъ—простыхъ людей. Такое словоупотребленіе тѣмъ болѣе допустимо, что терминъ *γνώμη*—по признанію самого преп. отца—имѣетъ весьма много смысловъ (*Disputatio cum Pyrrho*, PG. 91, 312B—C). Само собою разумѣется, что употребленіе данаго термина въ отношеніи ко Христу Спасителю не даетъ права обвинять пр. Максима въ противорѣчій ясно раскрытому имъ ученію о томъ, что во Христѣ по чело вѣ ч е с т в у не было *γνώμη*, т. е. самопроизвольной воли, склоняющейся къ тому или иному рѣшенію послѣ выбора различныхъ мотивовъ, послѣ колебанія между добромъ и зломъ (см. стр. 58, прим. 1). Такой (гномической) воли и не могло быть во Христѣ, ибо иначе бы вмѣстѣ съ нею вводилось бы особое чело вѣ ч е с к о е лицо, самолично рѣшающееся на тѣ или другія дѣйствія и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно развивающееся въ опредѣленіяхъ своей воли (*De duob. unius Christi volunt.*, PG. 91, 192C). Разумѣется, въ данномъ мѣстѣ рѣчь идетъ не о такой волѣ. Да и вообще пр. Максимъ лишь одинъ разъ употребилъ не совсѣмъ подходящій терминъ *προαίρεσις* (близкій къ понятію *γνώμη*) въ отношеніи ко Христу по чело вѣ ч е с т в у; это—въ *Qu. ad Thal.* XLII; но впоследствии самъ сдѣлалъ разъясненіе по этому вопросу, указавши, что въ отношеніи ко Христу онъ понималъ этотъ терминъ въ смыслѣ воли естественной, безличной (*Ad Marimum*, PG. 91, 29C—D). Въ разсматриваемомъ мѣстѣ пр. отецъ говоритъ о *γνώμη* въ отношеніи къ Божеству Христа. Замѣтимъ, что въ этомъ, повидимому смыслѣ говорили о гномической или произвольной волѣ Христа и монофелиты. По крайней мѣрѣ въ аргументаціи своего ученія она любилъ подчеркивать добровольность „страстей“ Христовыхъ, зависимость ихъ отъ самовластной воли Божества (Письмо Сергія конст. къ Гонорію, Mansi XI, 536A; Дѣянія всел. соб. VI², 182).

2) По ученію преп. Максима, Господь принявъ наша безукоризненныя страсти по естественному усвоенію, т. е. вполне реально, какъ нѣчто свойственное Ему по естеству; укоризненные же страсти—по относительному усвоенію (*κατ' οικειότητα ἀρχιζήγ.*, о смыслѣ термина см. прим. 3 на стр. 31), такъ сказать, по симпатіи („по чело вѣ ч е с к о ю б і ю“), какъ бы переноса на Себя (это—мысль св. *Βαλγία* алекс. у Фотія, *Bibliothecae cod.* 230, PG. 103, 1028C. 1051A).

первомъ испытаніи (путемъ) искушеній къ удоволь- [43]
ствію (*τῶν κατ' ἡδονῆν περισσίων*), позволивши имъ
поиграть своими кознями, совлекъ ихъ съ Себя, изверг-
ши ихъ изъ естества, (Самъ) оставшись недоступнымъ
и неприкосновеннымъ для нихъ,—конечно, намъ до-
ставляя побѣду, а не Себѣ (и) усвоая, какъ Благій,
все достигнутое Имъ тѣмъ, ради которыхъ Онъ сталъ
человѣкомъ. Ибо Самъ Онъ, будучи Богомъ и Вла-
дыкой и [2] свободнымъ по естеству отъ всякой стра-
сти, не нуждался въ искушеніи, но (допустилъ его)
для того, чтобы, приманивши къ Себѣ нашими иску-
шеніями лукавую силу, взять ее предложеніемъ мерт-

какъ на Главѣ всего человѣчества, мучающія его страсти (грѣхъ,
клятву, неповиновеніе, невѣдѣніе, богооставленность). Въ томъ и
другомъ случаѣ такое воспріятіе Господомъ нашихъ страстей имѣло
свое глубокое значеніе: оно доставило намъ безстрастіе—нетлѣніе
плоти и свободу отъ грѣховныхъ страстей (Ad Marinum presb., PG.
91, 29D—32A, p. 14; Tomus dogmat. ad Marinum presb., ibid.
237B, p. 129; Solut. ad Marinum, ibid. 220B, p. 118; Disputatio
cum Pyrrho, ibid. 304A—B, p. 168—169; Qu. ad Thal. XLII).
Такова обычная сотиріологическая точка зрѣнія св. Отцовъ на
страсти Христовы. По ученію, напр., св. Кирилла алекс., для того
Господь и допускалъ у Себя проявленія различныхъ страстей, чтобы
ихъ въ Себѣ уничтожить: „какъ смерть не упразднилась бы, если
бы Онъ не умеръ, такъ было бы и съ каждою изъ плотскихъ стра-
стей; если бы Онъ не испыталъ страха, то и (яше) естество не
освободилось бы отъ страха.—Во Христѣ обнаруживались плотскія
страсти не для того, чтобы онѣ затѣмъ могли имѣть такую же силу,
какъ и въ насъ, но для того, чтобы обнаруженное было упразднено
силою присущаго плоти Слова, по измѣненіи естества на лучшее“
(св. Кириллъ алекс., Thesaurus 24, PG. 75, 397C; p. п. этого
отрывка въ Дѣян. всел. соб., т. VI², 120; ср. у св. Аванасія В.,
Противъ аріанъ III, 34. 56. 57, PG. 26, 396D. 440D—441A. 441D.
444C; p. п. II², 413. 439. 440. 441).—Въ данномъ случаѣ рѣчь
идеть о естественной страсти—желаніи пищи послѣ поста—и объ
укоризненной—искушеніи къ плотскому удовольствію. Проявленіе
первой реально въ полной силѣ, проявленіе второй мыслимо только
κατ' ὀικείωσιν συχτηρίῳ, какъ условное допущеніе Господомъ изъ
состраданія къ намъ омерзительнаго сатанинскаго нападенія на
нашу немощь. Для Господа это—не Свое (по естеству присущее), а
„наше“ искушеніе, сострадательно Имъ усвоемое.

восты, въ то (именно) время, какъ она разсчитывала взять Его, какъ въ началѣ—Адама ¹⁾).

Такъ совлекъ Онъ съ Себя въ первое искушеніе напавшія (на Него) начала и власти, прогнавши (ихъ) изъ естества и исцѣливши страстность (его) въ отношеніи къ удовольствію, и изгладивши въ Себѣ рукописаніе Адама ²⁾, (состоящее въ) вольномъ (*γυωμικής*) 316 согласіи на страсти удовольствія, въ силу какового рукописанія (*δὲ οὐ*) человѣкъ, имѣя волю (*γυωμική*) склонной къ удовольствію, возвѣщаль дѣлами даже и молча лукавое надъ собою владычество, изъ страха смерти не освобождая себя отъ ига удовольствія.

Итакъ, Господь, подвергшись первому искушенію чрезъ удовольствіе, отщетилъ злыя силы, начала и власти. Потомъ допускаетъ Онъ сдѣлать имъ и второе нападеніе и навести и другое оставшееся искушительное испытаніе—чрезъ страданіе и труды,—чтобы совершенно истощивши на Себѣ пагубный ядъ ихъ злобы, подобно огню истребить ³⁾ и, совершенно уничтожить (его) въ естествѣ и совлечь съ Себя во время смерти на крестѣ, начала, и власти, оставшись непреодолимымъ для страданій (*τοῖς πόνοις*) и даже болѣе того, явившись страшнымъ для смерти, (и так. обр.) изгнавши изъ естества страстность въ отношеніи къ страданію (*τὸ κατ' ὀδύνην παθητόν*), отъ какового боязливо отвращалась воля человѣка, почему, имѣя такую волю человѣкъ постоянно и противъ воли мучился страхомъ смерти, и придерживался, ради того, чтобы жить, рабства удовольствію.

¹⁾ *Св. Григорій Бог.*, От. 39, п. 13, PG. 36, 349B; р. и. III³, 217; *св. Григорій Нисскій*, Слово огласит., 24. 26, PG. 45, 65A. 66D; р. и. IV³, 64. 68.

²⁾ Въ Кол. 2¹⁴ (по аналогіи съ Ефес. 2¹⁵) подъ рукописаніемъ иногда (неправильно) разумѣютъ законъ Моисеевъ.

³⁾ *Св. Григорій Бог.*, От. 30, п. 6, PG. 36, 109C; р. и. III³, 67.

Итакъ, Господь совлекъ съ Себя начала и власти при первомъ искусительномъ испытаніи въ пустынь, исцѣливши страстность всего естества въ отношеніи къ удовольствію. Онъ же совлекъ ихъ снова во время смерти, подобнымъ же образомъ изгнавши изъ естества страстность въ отношеніи къ страданію, возлагая по человѣколюбію на Себя, какъ на повиннаго, то, что должны были выполнить мы,—болѣе того, даже вмѣняя намъ, какъ Благій, славу совершеннаго (Имъ). А такъ какъ принявши подобно намъ, кромѣ 144 грѣха, страстность естества, при помощи которой всякая лукавая и пагубная сила производила обычно свои дѣйствія, Онъ совлекъ ихъ съ Себя во время смерти, когда онѣ напали даже и на Него для искушенія, и (такимъ образомъ) восторжествовалъ надъ ними и выставилъ ихъ на позоръ на крестѣ при исходѣ души, послѣ того какъ онѣ рѣшительно ничего не нашли въ Его страстности 1) свойственнаго естеству, хотя и особенно ожидали найти (въ Немъ) по крайней мѣрѣ что - либо человѣческое въ виду естественной страстности (Его) плоти;—то по справедливости Онъ въ (*διὰ*) святой Своей отъ насъ (воспринятой) плоти, какъ въ нѣкоемъ начаткѣ 1), освободилъ Своею силою и все естество человѣческое отъ примѣшавшагося къ нему въ страстности зла 2), подчинивши самой этой страстности естества царствовавшее иѣкогда въ ней, т. е. страстности, надъ естествомъ лукавое владычество 3).

1) Кол. 111.

2) См. схолію 3. Ср. у св. Григорія Бог., Ор. 30, п. 21, PG. 30. 132A: р. п. III³. 81—82.

3) Всѣ нападенія демоновъ совершаются при помощи страстности естества. Но Господь уничтожилъ въ этой страстности (*Qu. ad Thal. LXII. 656BC*) силу грѣха—склонность къ удовольствію (см. выше, стр. 105, пр. 3). Потому истинный подвижникъ во Христѣ легко отгоняетъ

Можно было бы и иначе, въ болѣе таинственномъ и возвышенномъ смыслѣ, рассмотреть это мѣсто, но въ виду того, что неизреченнѣйшія тайны божественныхъ догматовъ, какъ знаете, не должно предавать письму¹⁾, удовольствуемся сказаннымъ, хотя бы и недостаточнымъ для любопытствующей объ этомъ мысли. А если Богъ дастъ встрѣтиться съ вами лицомъ къ лицу, то вмѣстѣ внимательно изслѣдуемъ мысль Апостола.

С х о л и и.

1. Происхожденіемъ называетъ онъ первое образованіе
317 человекъ Богомъ, рожденіемъ же—явившееся впоследствии, какъ осужденіе за преступленіе, преемство другъ отъ друга.

всѣ нападенія демоновъ и всегда побѣдоносно силою Христовою солекаетъ ихъ съ себя, какъ побѣжденныхъ (Еф. 6¹²—18), отложивши во Христѣ (въ крещеніи) тѣло грѣховное плоти (Кол. 2¹¹) и умертвивши „уды яже на земли“ (Кол. 3⁵).

¹⁾ Ср. у *Діонисія Арео.*, De eccles. hier. VII, ш, 10, PG. 3, 565С.—А Neander (Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche. В. V⁴, Gotha 1864, S. 225, Anm. 1) думаетъ, что болѣе возвышенный смыслъ Кол. 2¹³ по пр. Максиму заключался въ ученіи о конечномъ искупленіи падшихъ духовъ. Держится этотъ учевый такого предположенія потому, что считаетъ преп. Максима сторонникомъ оригенистическаго ученія объ апокатастасисѣ. Извѣстно, однако, что преп. Максимъ опредѣленно осуждалъ Оригена и его мнѣнія (Relatio, V, PG. 90, 120В; р. п. твор. преп. Максима т. I, стр. 66) и вовсе не училъ о томъ, что всѣ люди съ восстановленіемъ естественныхъ силъ души достигнутъ блаженства въ соединеніи съ Богомъ: именно въ блаженствѣ, по его воззрѣнію, не будутъ имѣть участія грѣшники, для коихъ безблагодатное соединеніе съ Богомъ будетъ источникомъ мученія (Сар. quing. IV, 20; Quaest. et dubia 13; на эти мѣста некстати ссылается и Неандеръ). Объ участи злыхъ духовъ см. выше вопросъ XI.—Возможно, что въ данномъ случаѣ пр. Максимъ имѣлъ въ виду прохождение Христомъ воздушныхъ пространствъ при вознесеніи на небо и пораженіе Имъ при этомъ демоновъ.—Ср. замѣчанія по затронутому въ Qu. XXI вопросу у *св. Иларія пиктв.*, De Trinitate IX, 10—11 (PL. 10, 288С—291В), и въ словахъ пресв. Константина (монозелита) на 16 засѣд. VI всел. собора (Mansi XI, 620АВ; р. п. VI², 221).